

Он не был особенно рад, лишь вяло отозвался и снова уткнулся в одеяло. В его сознании, затуманенном дремой, крутилась лишь одна мысль... до завтрака ещё так много времени.

У Бай Цзыцина не сохранилось ярких воспоминаний о том первом приёме пищи в императорском дворце. В целом, еда здесь не сильно отличалась от той, что подавали в его доме. К тому же, за последнее время он много путешествовал, и Сувэнь, бывшая рядом, знакомила его с известными народными лакомствами. Он пробовал их с восторгом и, вернувшись домой, часто вспоминал.

Не заняться ли ему торговлей этими лакомствами? Лёжа лицом вниз и закрыв глаза, Бай Цзыцин глубоко вздохнул, размышляя: входить во дворец — это сплошные неприятности, никакой пользы.

Тем временем Ин Цань уже оделся и собирался уйти. Но, словно случайно, в момент, когда он повернулся, чтобы уйти, он вдруг наклонил голову к евнуху Циню и сказал:

— Пусть с Императорской кухни принесут немного жидкой каши и лёгких закусок. Сделайте отдельную порцию и побыстрее, а то кто-то может умереть с голоду.

Эти слова он произнёс так громко, что их услышала половина покоев. Евнух Цинь посчитал это шуткой.

— Ваше Величество, шутите изволите...

Как только их голоса стихли, Бай Цзыцин понял, что речь идёт о нём, и тут же поднял голову, чтобы найти говорящего.

Скрип закрывающейся двери прозвучал прямо у него в ушах. Ин Цань ушёл быстро, оставив Бай Цзыцину лишь вид своей спины. Люди в покоях тоже, словно боясь потревожить его отдых, быстро удалились, оставив лишь одного личного евнуха, выглядевшего лет пятнадцати-шестнадцати.

По дворцовым правилам, мужчины, входящие во дворец, не могли приводить с собой слуг или служанок. Этот человек был выбран дворцом для обслуживания Бай Цзыцина. Однако, осмотрев его, Бай Цзыцин понял, что Ин Цань уже передал большую часть дел гарема Фан Цзину и той самой «Красавице И». Скорее всего, этот слуга был выбран ими.

Бай Цзыцин не был уверен, был ли это тот самый мальчик, который сопровождал его с самого начала. Независимо от того, был ли он в милости или в немилости, даже в последний момент прошлой жизни, именно он принёс тот белый шёлк.

Бай Цзыцин всегда забывал, что при первой встрече тот был того же возраста, что и Бай Нянь.

— Сяо Цзю?

В покоях больше никого не было, и маленький евнух, внезапно услышав своё имя, испуганно подбежал к Бай Цзыцину и опустился на колени.

— Господин, вы звали меня?

Остатки сна с Бай Цзыцина тут же слетели. Он снова сел на кровать, удивлённый его реакцией.

— Разве тебя не зовут Сяо Цзю?

— Раб... раб во дворец вошёл без имени... — мальчик вдруг поднял голову, боясь, что Бай Цзыцину это не понравится. — Если господин соизволит, раб впредь будет зваться «Сяо Цзю»!

— Всего лишь имя, — Бай Цзыцин провёл рукой по лбу. — Да, некоторые маленькие евнухи, только что попавшие во дворец, не имели имён. Во-первых, потому что они не обязательно могли служить любимым и влиятельным хозяевам, а во-вторых, некоторые люди в гареме смотрели свысока и никогда не запоминали имена слуг. Бай Цзыцин не знал, кто дал имя Сяо Цзю в прошлой жизни, и действительно не хотел заикливаться на этом.

— Отныне ты будешь зваться так. Вставай, не нужно стоять на коленях, — Бай Цзыцин поднял Сяо Цзю и добавил. — Отныне ты будешь служить мне.

— Да... — Сяо Цзю робко взглянул на него. — То, что приказал император, ещё не готово. Может быть, господину ещё стоит поспать немного, а я разбужу вас, когда принесут.

— Хорошо.

На второй день после назначения Бай Цзыцина ждало множество головных болей, и одной из самых важных и неприятных было встретиться с другими женщинами и мужчинами Ин Цаня.

Одна только мысль об этом вызывала у него беспокойство, мешая спокойно спать. Люди, которых выбирал Ин Цань, были такими же странными, как и он сам, за исключением него самого.

Не говоря уже о мужчинах, та самая «Красавица И», которая даже купалась по строгим правилам, была одной из тех, с кем он не мог ладить. Если бы выстроить всех в гареме Ин Цаня по красоте, первое место, конечно, занял бы Фан Цзин, а второе прочно удерживала старшая дочь семьи Юань из военного министерства, Синьи. Её семья, хотя и не была такой влиятельной, как семья Бай, всё же была недосыгаема для обычных людей. Она была избалована родителями и, пользуясь своей красотой, впервые вошла во дворец и получила титул «Красавицы».

Эту историю Бай Цзыцин изначально услышал от Сувэнь, а после входа во дворец увидел всё своими глазами. Женщины во дворце были способны на предательство, даже превосходя в этом «князей и господ». Ему не нравилось, как Синьи издевалась над Фан Цзином, и он вступился за него, чем только вызвал её ещё большее недовольство. В то время Бай Цзыцин, только что вошедший во дворец, ещё не ощущал этого, но когда обстоятельства изменились, он понял, насколько это было страшно.

Неудивительно, что Ин Цань лично отдал приказ. Когда Бай Цзыцин начал засыпать, слуга с едой уже прибыл.

Возможно, из-за того, что Бай Цзыцин только что прибыл, а Ин Цань считал, что их отношения не сложились, он уделял ему немало внимания. Даже доставка каши была организована с размахом. Сяо Цзю взял поднос у слуги, но ещё не успел поставить его, как Бай Цзыцин, почувствовав аромат, сам поднялся.

Когда человек голоден, он не может сохранять сильную веру во многие вещи. Бай Цзыцин съел половину порции, и его настроение снова поднялось. Что там Фан Цзин, что там красавицы, пусть приходят, он ведь не зря прожил эту жизнь.

Когда вторая порция была доедена, Бай Цзыцин велел Сяо Цзю помочь ему одеться.

— Собери всех этих людей в боковой покой, у меня есть что сказать.

Фан Цзин тоже только что встал, когда его личный евнух передал сообщение от Бай Цзыцина.

— Что? Бай Чжай? — Фан Цзин привык выпивать полчашки чая перед завтраком, а в его покоях всегда горели благовония, поэтому от него никогда не исходило запаха кухни. Сначала чувствовался аромат цветов и фруктов, а затем слегка горьковатый запах зелёного чая.

— Хорошо, я понял. Чэнмин, найди мою белую нефритовую подвеску с драконом паньчи и положи её в подарочную коробку, чтобы отправить в Чертог Ганьлу.

— Господин, он ещё не получил свои покои, стоит ли сейчас отправлять это? Ведь это то, что император подарил вам, и в мире есть только одна такая...

— Просто сделай, как я сказал. Разве ты не знаешь, в каком положении я нахожусь? — Фан Цзин был известен своим холодным характером, но также был самым вежливым человеком во дворце. Не имея влияния и не будучи способным иметь потомство, он держался во дворце лишь благодаря небольшой любви Ин Цаня.

Маленький евнух по имени Чэнмин всё ещё выглядел недовольным.

— Разве не говорили, что с господином Бай Чжаем император был вынужден заключить брачный договор из-за покойного императора? Наверняка император больше любит вас.

— Бай Чжай — из семьи Бай. Как бы императору он ни был неприятен, он обязан оставить его в Чертоге Ганьлу на месяц, — Фан Цзин взглянул на него. — Не говори больше таких вещей, ведь... император всё ещё император.

Они процветают вместе и падают вместе. Сердца людей трудно понять, не говоря уже о сердце императора.

Он пил чай долгое время, но всё же отправился в боковой покой Чертога Ганьлу раньше времени. Половина гарема постепенно прибыла, и новости наконец дошли до евнуха Циня, ожидавшего утреннего приёма в главном зале.

Но Ин Цань действовал только после того, как расстался с Бай Шу.

Только что закончив утренний приём, он услышал, что Бай Цзыцин собрал людей гарема в боковом покое для приветствия и, якобы, устанавливал какие-то правила.

— Ваше Величество, хотите посмотреть?

Евнух Цинь с улыбкой последовал за Ин Цанем, но тот поднял руку, остановив его.

Только что закончив приём, Бай Шу был явно обеспокоен. Ин Цань подошёл к нему и пригласил его прогуляться по Императорскому саду после приёма. Они говорили о государственных делах, но каждый думал о своём.

Настроение Ин Цаня вдруг значительно улучшилось. Тот, кто несколько дней назад и даже в брачную ночь говорил о своём нежелании и выглядел разочарованным, теперь даже придумал правила для других.

Бай Цзыцин, Бай Цзыцин...

Хотя Бай Шу беспокоился о Бай Цыцине, как только разговор переходил на государственные дела, он становился серьёзным, не как Ин Цань, чьи глаза сияли от радости.

Они говорили о новом главном секретаре Приказа Хунлу, Сюэ Юдине, и Бай Шу думал, что он доволен этим.

— Новый главный секретарь Сюэ Юдин активно продвигает торговое сотрудничество между нашим государством и царством Чу, и, говорят, уже есть первые результаты.

— Да, я слышал, что старший сын семьи Бай тоже вошёл в Приказ Хунлу.

— Ваше Величество, извольте шутить. Мой старший сын всегда любил только романтику и поэзию. На этот раз он вдруг сказал, что хочет что-то сделать, и всё из-за Цыцина... — Снова вернувшись к главному, Бай Шу вздохнул.

Ин Цань спокойно сказал:

— Господин Бай, говоря так, вы не доверяете мне.

— Я не имел этого в виду...

<http://bllate.org/book/16479/1496764>